

·thebigbook·

Эдвард Сент-Обин

Патрик Мелроуз

Книга 1

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
С 31

Edward St. Aubyn
NEVER MIND
Copyright © Edward St. Aubyn 1992, 1998
BAD NEWS
Copyright © Edward St. Aubyn 1992, 1998
SOME HOPE
Copyright © Edward St. Aubyn 1992, 1994, 1998
All rights reserved

Перевод с английского
Аллы Ахмеровой, Екатерины Доброхотовой-Майковой,
Александры Питчер

Оформление обложки Виктории Манацковой

- © А. И. Ахмерова, перевод, примечания, 2018
- © Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод, примечания, 2018
- © А. Питчер, перевод, примечания, 2018
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-17047-6

Ничего
страшного

1

В половине седьмого утра Иветта понесла в особняк стопку выглаженного с вечера белья. Одна сандалия тихонько пошлепывала (как назло, оборвался ремешок), и приходилось, изо всех сил поджимая пальцы, неуклюже ковылять по каменистому неровному грунту. Подъездную дорожку обрамляли кипарисы, за ними виднелась стена садовой ограды.

Посреди сада стоял доктор, в синем домашнем халате и в темных очках, хотя сентябрьское солнце еще не взошло над известняковой горой. Зажав в левой руке садовый шланг, доктор сосредоточенно орошал тяжелой струей воды колонну муравьев, снующих по гравию. Полив совершался отработанным маневром: доктор выжидал, пока уцелевшие муравьи не взберутся на мокрые камешки и не переведут дух, и снова обрушивал на них грохочущий поток. Свободной рукой он вынул сигару изо рта; завитки дыма сливались с сединой в русых кудрях над костлявым лбом. Зажав большим пальцем отверстие шланга, доктор направил узкую тугую струю на очередного упрямого муравья.

Чтобы незаметно пройти в особняк, Иветте надо было миновать старое инжирное дерево, но доктор Мелроуз, не поднимая взгляда от земли, всякий раз окликал ее именно в тот миг, когда она, скрывшись за стволом, чувствовала себя в относительной безопасности. Вчера он беседовал

с ней ровно до тех пор, пока у нее не заняли руки, но не настолько мучительно, чтобы выронить белье. Доктор Мелроуз всегда тщательно рассчитывал продолжительность их разговоров. Сначала он подробно выведывал, как она, истинная дочь Прованса, относится к мистралу. К тому времени, как он поинтересовался состоянием дел на судостроительном заводе, где работал ее сын, боль не только свела плечи, но и резко отдавалась в шею. Иветта, не желая выказывать слабость, терпела до последнего, даже когда он участливо осведомился о состоянии здоровья ее мужа и обеспокоился, не помешает ли его больная поясница водить трактор в страду. Сегодня он не обратился к ней с обычным «*Bonjour, chère Yvette*»¹, с которого неизменно начинались вежливые утренние разговоры, поэтому она, пригнувшись, скользнула под низко нависшими ветвями инжира к дверям особняка.

Дом, который Иветта именовала шато, а Мелроузы называли старой усадьбой, стоял на склоне. Подъездная дорожка подходила к особняку на уровне комнат верхнего этажа, а широкие ступени лестницы с одной стороны дома сбегали к террасе у гостиной.

Лестница в противоположной стороне дома вела к часовне, за которой прятались мусорные баки. Зимой вода с журчанием сбегала по склону, наполняя цепь крохотных прудов, но сейчас пересохшая канавка под инжирным деревом была забита падалицей, а на земле темнели пятна раздавленных плодов.

Иветта вошла в сумрачную кладовую с высоким потолком, включила свет и, опустив белье на стол, начала раскладывать полотенца, простыни и скатерти. В кладовой стояли десять вместительных шкафов, доверху набитые аккуратными стопками столового и постельного белья,

¹ «Доброе утро, дорогая Иветта» (фр.).

которым никто не пользовался. Иногда Иветта распахивала шкафы и любовалась коллекцией. На скатертях были вытканы лавровые ветви и виноградные грозди, заметные только под определенным углом. Иветта осторожно касалась вензелей, вышитых на гладких белых простынях, и корон, окружавших букву «V» в уголке столовых салфеток. Больше всего ей нравилось изображение вздыбленного единорога над лентой с вязью иностранных слов, украшавшее самые старинные простыни, но к ним никогда не притрагивались, потому что миссис Мелроуз велела стелить только простое белье, сложенное в комод у двери.

Элинор Мелроуз выскочила из кухни и попыталась как можно быстрее взобраться по пологим ступеням к подъездной дорожке. При ходьбе обычным шагом она наверняка споткнулась бы, остановилась и в отчаянии плюнулась бы на невысокий бортик вдоль лестницы. Ее по-прежнему мучило, и ощущение, уже усугубленное сигаретой, не следовало подстегивать еще и едой. Разумеется, она почистила зубы после приступа рвоты, однако мерзкий вкус во рту не пропадал. Вообще-то, из чистого оптимизма она чистила зубы и перед тем, как ее стошнило. С приходом сентября по утрам было прохладно, в воздухе уже витал запах осени, но Элинор этого не замечала. Густо напудренный лоб взмок от пота. На каждой ступеньке она упиралась ладонями в колени, подталкивая себя вперед и напряженно глядя сквозь темные стекла огромных очков на белые парусиновые туфли; бледные ноги в ярко-красных шелковых брюках, липнущих к коже, походили на стручки острого перца.

Она представила запотевший бокал с кубиками льда, куда наливают водку, и матовый лед становится прозрачным, тает, потрескивает, как позвонки под чуткими руками опытного остеопата. Липкие, неуклюжие ледышки, по-

звякивая, всплывают; стекло покрывается изморозью, холодная водка маслянисто обволакивает нёбо.

Слева от лестницы подъездная аллея круто поднималась к круглой площадке, где под пинией стоял бордовый «бьюик» Элинора. На фоне виноградников и оливковых рощ длинный автомобиль с белыми боковинами шин выглядел нелепо, но для Элинора он был последним прибежищем, словно родное консульство для ограбленного иностранного туриста.

Капот «бьюика» усеивали прозрачные шарики смолы. Одна капелька с сухой сосновой хвоинкой налипла на лобовое стекло. Элинора попыталась ее скovyрнуть, но лишь растерла по стеклу и изгваздала клейкой смолой кончики пальцев. Хотя ей хотелось поскорее забраться в машину, она продолжала упрямо отскребать стекло, забивая грязь под ногти. Элинора обожала свой «бьюик», потому что Дэвид никогда в него не садился — ни водителем, ни пассажиром. Она была владелицей дома и поместья, она платила жалованье прислуге и покупала выпивку, однако на деле чувствовала себя полноправной хозяйкой только этого автомобиля.

Они с Дэвидом познакомились двенадцать лет назад, и Элинора сразу же очаровали его внешность и манеры. На лице Дэвида застыло выражение, с которым истинный джентльмен взирает на свои владения из холодной и чопорной английской гостиной, за пятьсот лет отточенное до совершенства. Элинора так и не уяснила, отчего англичане полагают особым признаком благородства многовековое безделье в одном и том же месте, но Дэвид убедил ее, что так оно и есть. Вдобавок среди его предков был отпрыск Карла II от связи с проституткой. Когда Дэвид впервые упомянул о своей родословной, Элинора лукаво заметила, что на его месте не стала бы об этом распростра-

няться. Вместо того чтобы оценить шутку, он повернулся в профиль, выпятил нижнюю губу и напустил на себя многострадальный вид, давая понять, что лишь вежливость удерживает его от язвительного замечания. Сейчас Элинор не выносила его ужимок.

А ведь было время, когда ее умиляли рассказы о том, как Дэвид стал доктором. Его отец, генерал Мелроуз, узнав о намерениях сына, незамедлительно лишил его пособия и вложил высвободившиеся деньги в разведение фазанов. Война и охота — занятия истинных джентльменов, а медицина — самое подходящее дело для мелкобуржуазных шарлатанов. Генерал придерживался именно такого мнения, тем более что сам был заядлым охотником и не упускал случая улучшить охотничьи угодья. Для него не составляло труда холодно обращаться с сыном. Когда Дэвид окончил Итон, генерал впервые поинтересовался, чем юнец собирается заняться дальше. Дэвид пролепетал: «Я пока не знаю, сэр», боясь признаться, что хочет стать композитором. Генерал, от внимания которого не ускользнули фортепианные экзерсисы отпрыска, справедливо счел, что военная карьера положит конец неподобающим дамским увлечениям. «Пойдешь в армию», — заявил он и в неловкой попытке установить приятельские отношения угостил сына сигарой.

Некогда Элинор полагала, что Дэвид выгодно отличается от мелкопоместных английских аристократов, от этого племени снобов и дальних родственников, готовых явиться по первому зову, будь то в прискорбных обстоятельствах или на загородную вечеринку, живущих чужими воспоминаниями и воспоминаниями о жизни предков, хотя предки жили совсем иначе. В самом начале знакомства она считала, что Дэвид — первый человек, который ее по-настоящему понимает. Сейчас он стал последним, у кого она искала бы понимания. Такую перемену было труд-

но объяснить. Элино́р старалась не поддаваться соблазну и не обвинять Дэви́да в низменном желании заполучить ее деньги, чтобы удовлетворить свои мечты о сладкой жизни. Может быть, все было наоборот: как раз ее деньги его и испортили. Вскоре после свадьбы он забросил медицину и какое-то время вынашивал планы открыть пансион для алкоголиков. В некотором смысле ему это удалось.

Мысль о встрече с Дэвидом пугала. Элино́р оставила в покое сосновую смолу на лобовом стекле, забралась за руль массивного «бьюика», проехала мимо лестницы, вниз по подъездной дорожке и остановилась на полпути с холма. Ей надо было к Виктору Айзену, чтобы оттуда пораньше уехать с Анной в аэропорт, но сначала следовало привести себя в порядок. В подушечке под водительским сиденьем пряталась бутылочка коньяка «Бисквит». В сумке были желтые таблетки для бодрости и белые таблетки против страха и паники, возникших вместе с бодростью. Элино́р предстояла долгая дорога, поэтому она приняла не две, а четыре желтые таблетки, потом добавила две белые, чтобы компенсировать увеличенную дозу бодрости, и запила все половиной коньяка. От первого глотка она передернулась, задрожала. Алкоголь еще не подействовал, но уже что-то перемкнуло, и ее затопила горячая волна благодарности.

Расслабленно откинувшись на сиденье, Элино́р впервые за день узнала себя в зеркале, вернулась в тело, как лунатик возвращается в постель после ночных блужданий. За плотно закрытыми окнами «бьюика» черно-белые сороки бесшумно перепархивали по виноградникам, сосновые хвоинки четко, каждой иголочкой выделялись на фоне бледного неба, дочиста выметенного сильным ветром, который дул уже второй день. Элино́р снова завела мотор и уехала, рассеянно виляя по крутой узкой дороге.

Дэвиду Мелроузу надоело поливать сад и топить муравьев. Рано или поздно любая забава, раз за разом повторяясь, теряла привлекательность и наполняла его отчаянием. Еще один муравейник, еще одна колонна муравьев. Дэвид поливал их из шланга и бормотал: «Та-та-те-те-тя», что вносило пикантное разнообразие в смертоносное времяпровождение — вспоминались семь чопорных сестер матери, надменные, самолюбивые гордячки, перед которыми в детстве его заставляли играть на фортепиано.

Отшвырнув шланг на тропинку, усыпанную гравием, Дэвид подумал, что в последнее время от Элинон нет никакого толку. Она чересчур заостенела в своем страхе. Бесплезно ощупывать воспаленную печень пациента, если и без того ясно, что и где болит. Теперь стоило больших трудов заставить Элинон по-настоящему расслабиться.

Он вспомнил, как двенадцать лет тому назад пригласил ее на ужин к себе домой. В те дни она была такой доверчивой! Они уже переспали, но Элинон, двадцативосьмилетняя блондинка с тонкими прямыми волосами, все еще его стеснялась. Она пришла в бесформенном белом платье в крупный черный горох. Скромная стрижка делала ее гораздо моложе. Он находил ее хорошенькой, но какой-то потерянной и блеклой. Его больше возбуждала ее беспокойная, суетливая натура, тихое остервенение женщины, которой очень хочется заняться чем-то важным, но неизвестно, чем именно.

На ужин он приготовил голубя по-мароккански, фаршированного миндалем, с гарниром из шафранного риса. Предложил ей тарелку, тут же отодвинул и попросил:

- Сделай для меня кое-что.
- С удовольствием. Что?

Он опустил тарелку на пол, рядом с ее стулом:

— Попробуй поесть без ножа и вилки. И без рук. Просто ешь с тарелки.

- Как собака?
- Нет, как девушка, которая притворяется собакой.
- Зачем?
- Затем, что мне так хочется.

Ему нравилось рисковать. Она могла отказаться и уйти. Если она останется и выполнит его просьбу, то окажется у него во власти. Как ни странно, никто из них не рассмеялся.

Возможность продемонстрировать покорность, пусть даже абсурдную, отчего-то привлекала Элиноор. Она готова была пожертвовать тем, во что сама не верила, — правилами приличия, достоинством, гордостью — ради того, во что хотела верить: в дух самопожертвования. Бесмысленность поступка, сам факт, что он совершался не ради кого-то, делали его выше и чище. Она встала на четвереньки, оперлась ладонями о ветхий персидский ковер, согнула руки в локтях и, ощущая, как напряглась поясница, зубами схватила с тарелки кусочек голубятины.

Элиноор выпрямилась, опустила на пятки, положила руки на колени и тихонько прожевала мясо. У него был странный вкус. Она чуть скосила глаза, увидела туфли Дэвида — одна стояла на полу, мыском к ней, а вторая покачивалась в воздухе, совсем рядом. Не смея взглянуть выше его скрещенных ног, она снова склонилась к тарелке и начала жадно есть, выискивая губами миндалины в горьке риса, тихонько мотая головой, чтобы отделить кусочек мяса от кости. Когда она наконец подняла к нему лицо, перемазанное соусом и зернышками желтого риса, налипшими на губы и нос, то никакого беспокойства оно больше не выражало.

На миг Дэвид умилился: подумать только, она исполнила его просьбу. Он вытянул ногу и краем туфли погладил Элиноор по щеке. Безусловно, такое полное доверие

очаровывало, вот только он не знал, что с ним делать, потому что уже добился своего — заставил ее покориться.

Дэвид рассказал Николасу Пратту о случившемся на следующий же день — в один из тех дней, когда предупреждал секретаршу, что очень занят, и отпраивался в клуб. Там он пил в тишине и покое, вдали от женщин, именуемых похмелье мигренью, и галдящих детей. Ему нравилось пить под золотисто-голубыми сводами утренней гостиной, где присутствие важных персон ощущалось как рябь на воде. Прикосновение к чужому величию в атмосфере власти и силы словно бы удерживало на плаву унылых, неприметных и праздных членов клуба, как утлые лодчонки у причала в гавани, которую только что покинула роскошная яхта.

— А зачем ты ее заставил? — с каким-то злорадным отращением спросил Николас.

— Так ведь у нее очень ограниченный выбор тем для беседы, ты же знаешь, — напомнил Дэвид.

Николас не ответил, чувствуя, что его заставляют обсуждать происшествие так же, как Элинор заставили есть по-собачьи.

— А на полу их нашлось больше? — спросил он.

— Я не волшебник, — сказал Дэвид. — Я не способен превратить ее в приятного собеседника, зато сумел заткнуть ей рот. Я бы не выдержал очередной порции нытья о тяжелой жизни богачей. Я о них очень мало знаю, а она очень мало знает обо всем остальном.

Николас хохотнул, и Дэвид обнажил зубы в так называемой улыбке. Что бы там ни говорили о разнообразных загубленных талантах Дэвида, подумал Николас, умения улыбаться среди них не было.

Дэвид взошел по правой стороне двойной лестницы, ведущей из сада на террасу. К своим шестидесяти годам он сохранил густую и в некотором роде буйную шевелюру.

Его безупречно красивое лицо обладало единственным недостатком — в нем не было изъяна, как в шаблоне. Оно было каким-то неживым, словно даже время не смело наложить свой отпечаток на эти совершенные черты. Знакомые пытались отыскать в нем хоть какие-то признаки увядания, но с каждым годом маска становилась все благороднее. Как бы гордо ни восседала голова на несгибаемой шее, глаза, скрытые темными стеклами очков, пристально вглядывались в окружающих, выискивая уязвимые места. Умение диагностировать было для Дэвида самым упоительным в профессии врача, однако же, поставив диагноз, он терял всякий интерес к пациенту, за исключением редких случаев, когда его чем-то привлекали страдания больного. Без темных очков он рассеянно взирал на мир до тех пор, пока не замечал слабинку в собеседнике, и тогда взгляд его напрягался, как накачанные мускулы.

На вершине лестницы он остановился. Сигара потухла, и он швырнул окурки за ограду, в виноградный куст. Плющ на южной стене особняка кое-где уже польхал осенним багрянцем, Дэвид любил красный цвет, дерзко бросающий вызов тлену и увяданию, как узник, плюющийся в лицо палачу. Он видел, как Элинора с утра пораньше уехала в своем нелепом автомобиле. Он видел, как Иветта пыталась украдкой проскользнуть в дом. Вполне понятное стремление.

Он знал, что дурное обращение с Элинорой дает желаемые результаты только в том случае, если чередовать его с чрезмерными знаками внимания и пространными извинениями за свой коварный, сокрушительный нрав, однако давно забросил этот метод, поскольку безмерно разочаровался в жене. Она не могла помочь ему избавиться от непостижимого, невыразимого чувства, которое постоянно сдавливало грудь, с каждым вздохом обещая неминуемое удушье.

По непонятной причине все лето у него не выходил из головы немой калека в афинском аэропорту. Бедняга пытался торговать фисташками, швыряя рекламные листовки на колени пассажирам в зале ожидания. Он натужно, рывками подавался вперед, подволакивая непослушные ноги и непрерывно тряся головой. Глаза у него то и дело закатывались, а рот жутко кривился, как у рыбы, выброшенной на берег. При каждом взгляде на калеку у Дэвида кружилась голова.

Шаркая желтыми комнатными туфлями, он поднялся по лестнице к двери, ведущей с террасы в гостиную. Иветта еще не отдернула шторы, что его вполне устраивало — не придется снова закрывать. Ему нравилось, когда в гостиной царил полумрак, придавая всему вальяжный вид. У дальней стены тускло поблескивало массивное золоченое кресло, обитое темно-красным бархатом; американская бабушка Элинор, приехав в Европу за антиквариатом, удачно выторговала его у потомков древнего венецианского рода. Дэвид обожал кресло — якобы трон дожа — не только из-за скандала, вызванного его приобретением, но и за его музейную ценность, поэтому усаживался в него при каждом удобном случае. Иногда, в отсутствие домашних, присев на краешек трона, Дэвид наклонялся вперед, сжимал правой рукой подлокотник, покрытый замысловатой резьбой, и принимал позу с картинки из «Иллюстрированной истории Англии», запомнившейся со школьной скамьи: разгневанный Генрих V получает известие об оскорбительном даре короля Франции — теннисных мячиках.

Дэвида окружали трофеи матриархального американского семейства Элинор. На стенах теснились картины кисти Гварди и Тьеполо, Пьяцетты и Новелли. Французская ширма XVIII века, украшенная бурыми мартышками и бледными розами, делила длинную гостиную пополам.

За ширмой скрывался черный китайский комод, на котором высились стройные ряды бутылок, а внутри на полках стояло подкрепление. Дэвид налил себе бокал и вспомнил покойного свекра, Дадли Крейга, обаятельного шотландского пьянчужку, которого Мэри, мать Элинора, выставила за дверь, решив, что он ей слишком дорого обходится.

После Дадли Крейга Мэри вышла замуж за Жана де Валенсе, полагая, что если уж брать на содержание мужчину, то лучше герцога. Элинора росла в особняках, где все предметы обстановки в то или иное время принадлежали всевозможным королям и императорам. Особняки были великолепны, но гости покидали их с облегчением, сознавая, что, по мнению герцогини, были недостойны занимать предложенные им стулья.

Дэвид направился в дальний конец гостиной, к высокому окну, единственному с распахнутыми шторами. Из окна открывался вид на гору. Дэвид часто разглядывал обнажившиеся пласты, разломы и выступы известняка. Они напоминали ему модели человеческого мозга, беспорядочно разбросанные по темно-зеленому склону, или один гигантский мозг, выпирающий из множества надрезов. Дэвид присел на диван у окна и уставился на гору, пытаясь ощутить некое подобие благоговейного трепета.

Патрик шел к колодцу. В руках он крепко сжимал серый пластмассовый меч с золотой рукоятью и сбивал им розовые цветы валерианы, что росла на стене, огораживавшей террасу. Если на стебле фенхеля сидела улитка, Патрик ударял по нему мечом, чтобы сбросить ее на землю. По сброшенной улитке надо было топнуть и стремглав убежать, потому что она становилась склизкой, как сопля. Потом он возвращался, разглядывал осколки коричневой раковины в мягкой серой плоти и жалел, что ее раздавил. Давить улиток после дождя было нечестно, потому что они выходили играть, купались в лужах под мокрыми листьями и вытягивали рожки. Если коснуться рожек, они отдергивались, и он тоже отдергивал руку. Для улиток он был как взрослый.

Однажды он случайно оказался у колодца, хотя шел совсем не туда, и поэтому решил, что обнаружил тайную короткую тропку. С тех пор, когда с ним никого не было, он ходил к колодцу только этой тропкой. Через террасу, где росли оливы, а вчера ветер ерошил их листву так, что она из зеленой становилась серой, а потом наоборот, из серой — зеленой, будто кто-то водил пальцами по бархату, превращая его из темного в светлый.

Он показал тайную тропку Эндрю Бэннилла, но Эндрю заявил, что она слишком длинная и что обычной дорогой короче, поэтому Патрик пригрозил, что бросит Эндрю

в колодец. Эндрю испугался и заплакал. А перед тем как Эндрю улетал в Лондон, Патрик сказал, что выбросит его из самолета. Хны-хны-хны. Патрик никуда не улетал, его даже в самолете не было, но он сказал Эндрю, что спрячется и подпилит пол вокруг его кресла. Няня Эндрю назвала Патрика гадким мальчишкой, а Патрик сказал ей, что Эндрю слюнтяй.

Няня Патрика умерла. Мамина знакомая сказала, что ее забрали на небо, но Патрик сам видел, как ее положили в деревянный ящик и опустили в яму. А небо совсем в другой стороне. Наверное, эта тетя все наврала, хотя, может быть, няню отправили, как посылку. Мама очень плакала, когда няню положили в ящик, и говорила, что плачет из-за своей няни. Только это глупо, потому что ее няня жива и здорова, они ездили к ней на поезде, и там было очень скучно. Она угощала Патрика невкусным пирожным, в котором внутри почти не было джема, а только противный крем со всех сторон. Няня говорила: «Я знаю, тебе нравится», только это была неправда, ведь он в прошлый раз объяснил, что ему ни капельки не нравится. Пирожное называлось песочное, и Патрик сказал, что его наверно делают из песка. Мамина няня долго смеялась и обнимала его. Было противно, потому что она прижимала свою щеку к его щеке, а дряблая кожа свисала, как куриная шея с кухонного стола.

И вообще, зачем маме няня? У него няни больше не было, хотя ему всего пять лет. Отец сказал, что теперь он — маленький мужчина. Патрик помнил, как ездил в Англию, когда ему было три года. Зимой. Он первый раз увидел снег. Он помнил, как стоял на дороге у каменного моста. Дорога была покрыта изморозью, а поля — снегом. Небо сияло, дорога и живые изгороди сверкали, а у него были синие шерстяные варежки, и няня держала его за руку, и они долго стояли и глядели на мост. Патрик часто

вспоминал все это, и как потом они сидели на заднем сиденье в машине, и он улегся к няне на колени и смотрел ей в лицо, а она улыбалась, а небо за ней было очень широкое и голубое, и он уснул.

Он вскарабкался по крутой тропке к лавровому дереву и очутился у колодца. Патрику не позволяли здесь играть, но он любил это место больше всего. Иногда он залазил на прогнившую крышку и прыгал на ней, как на батуте. Его никто не мог остановить. Не очень-то и старались. Под растрескавшимися пузырями розовой краски виднелась черная древесина. Крышка зловеще поскрипывала, и у него замирало сердце. Ему не хватало силенок полностью сдвинуть крышку, но, когда колодец оставляли открытым, Патрик швырял в него камешки и комки земли. Они падали в воду с гулким плеском и разбивались в черной глубине.

На самом верху Патрик торжествующе вскинул меч. Крышка колодца была сдвинута. Он начал искать подходящий камень — большой, круглый и тяжелый. В поле неподалеку нашелся красноватый валун. Патрик обхватил его обеими руками, подволок к колодцу, взвалил на бортик, подтянулся, оторвал ноги от земли и, свесив голову вниз, уставился в темноту, где пряталась вода. Он ухватился за бортик левой рукой, столкнул валун вниз и услышал, как тот плюхнулся в глубину, увидел, как плеснула вода, как в потревоженной поверхности неверным светом отразилось небо. Вода была тяжелой и черной, как нефть. Он крикнул в колодезную яму, где сначала зеленели, а потом чернели сухие кирпичи. Если свеситься еще ниже, то можно было услышать влажное эхо своего голоса.

Патрик решил взобраться на самый верх колодца. Обшарпанные синие сандалии как раз помещались в трещины между камнями кладки. Он хотел встать на бортик над колодезной ямой. Он уже так делал, на спор, когда

у них гостил Эндрю. Эндрю стоял у колодца и ныл: «Патрик, не надо, слезай, ну пожалуйста». Эндрю трусил, а Патрик не трусил, но сейчас, когда он сидел на корточках на бортике, спиной к воде, у него кружилась голова. Он очень медленно встал и, распрямляясь, ощутил, как пустота зовет его, тянет к себе. Ему чудилось, что если он шевельнется, то обязательно соскользнет вниз. Чтобы ненароком не пошатнуться, он крепко стиснул кулаки, поджал пальцы на ногах и напряженно устоял на утоптанную землю у колодца. Меч все еще лежал на бортике. Меч нужно было воздеть в ознаменование подвига, поэтому Патрик осторожно потянулся, невероятным усилием воли преодолевая страх, сковавший все тело, и ухватил исцарапанный, покорябанный серый клинок. Потом он нерешительно согнул колени, спрыгнул на землю, выкрикнул «ура!», голосом изобразил бряцание стали и торжествующе замахал мечом, отражая нападение незримого врага. Он шлепнул клинком по стволу лавра, пронзил воздух под кроной и с предсмертным стоном ухватился за бок. Он любил представлять, как римскую армию окружают полчища варваров, и тут появляется он, отважный командир особого легиона солдат в пурпурных плащах, и спасает всех от неминуемого поражения.

Когда он гулял по лесу, то часто вспоминал Айвенго, героя своего любимого комикса. Айвенго, шествуя по лесу, оставлял за собой просеку. Патрику приходилось оги- бать стволы сосен, но он воображал, что прорубает себе путь и величественно шагает по бору у дальнего конца террасы, валя деревья направо и налево. Он вычитывал в книгах всякую всячину и много о ней думал. Он узнал о радуге из нудной книжки с картинками, а потом увидел радугу на лондонских улицах после дождя, когда пятна бензина на асфальте расплывались в лужах и рябили лиловыми, синими и желтыми кругами.

Сегодня гулять в лесу не хотелось, и он решил попрыгать по террасам. Это было почти как летать, но кое-где ограда была слишком высока, и он швырял меч на землю, садился на каменную стену, свешивал ноги, а потом хватался за край и висел на руках, прежде чем спрыгнуть. В сандалии набивалась сухая земля из-под виноградных лоз, так что дважды пришлось разуваться и вытряхивать комья и камешки. Чем ниже в долину он спускался, тем шире становились пологие террасы, и можно было просто перепрыгивать через ограду. Он глубоко вздохнул, готовясь к последнему перелету.

Иногда он прыгал так далеко, что чувствовал себя Суперменом, а иногда бежал быстрее, вспоминая овчарку, которая гналась за ним по пляжу в тот ветреный день, когда их пригласили на обед к Джорджу. Патрик умолял маму отпустить его погулять, потому что любил смотреть, как ветер взрывает море, будто разбивает бутылки о скалы. Ему велели не уходить далеко, но он хотел быть поближе к скалам. К пляжу вела песчаная тропка. Патрик пошел по ней, но тут на вершине холма появилась косматая толстая овчарка и залаяла. Заметив ее приближение, Патрик бросился бежать, сначала по извилистой тропинке, а потом напрямик, по мягкому склону, все быстрее и быстрее, делая огромные шаги и раскинув руки навстречу ветру, пока наконец не спустился с холма на полукруг песка у скал, куда доплескивали самые большие волны. Он оглянулся и увидел, что овчарка осталась далеко-далеко наверху, и понял, что она его все равно бы не догнала, потому что он так стремительно мчался. Только потом он задумался, гналась ли она за ним вообще.

Тяжело дыша, он соскочил в русло высохшего ручья и вскарабкался на громадный валун между двумя кустиками бледно-зеленого бамбука. Как-то раз Патрик придумал игру и привел сюда Эндрю, поиграть. Оба взбирались на валун и пытались столкнуть с него друг друга, притво-

ряясь, что с одной стороны яма, полная острых обломков и лезвий, а с другой — бассейн меда. Тот, кто падал в яму, умирал от миллиона порезов, а тот, кто валился в бассейн, тонул в густой вязкой золотистой жиже. Эндрю все время падал, потому что он слюнтяй.

И папа Эндрю тоже был слюнтяй. В Лондоне Патрика пригласили на день рождения к Эндрю, и там посреди гостиной стояла здоровенная коробка с подарками для всех гостей. Все по очереди вытаскивали из коробки подарки, а потом бегали по комнате, сравнивали, кому что досталось. Патрик запихнул свой подарок под кресло и пошел за другим. Когда он доставал из коробки еще один глянце-вый сверток, к нему подошел папа Эндрю, присел на корточки и сказал: «Патрик, ты ведь уже взял себе подарок, — но не сердито, а таким голосом, будто предлагал конфету, и добавил: — Нехорошо, если кто-то из гостей останется без подарка». Патрик с вызовом посмотрел на него и ответил: «Я еще ничего не взял», а папа Эндрю отчего-то погрузнел и стал похож на слюнтяя, а потом сказал: «Хорошо, Патрик, но больше подарков не бери». Хотя Патрику досталось два подарка, папа Эндрю ему разонравился, потому что хотелось еще подарков.

Сейчас Патрик играл на валуне в одиночку: он прыгал с одной стороны на другую и бешено размахивал руками, стараясь не оступиться и не упасть. Если он все-таки падал, то притворялся, будто ничего не случилось, хотя и понимал, что это нечестно.

Потом он с сомнением посмотрел на веревку, которую Франсуа привязал к одному из деревьев у ручья, чтобы можно было раскачиваться над руслом. Патрику захотелось пить, поэтому он начал подниматься к дому по тропинке через виноградник, где уже тарахтел трактор. Меч превратился в обузу, и Патрик обиженно сунул его под мышку. Однажды он услышал, как отец сказал смешную фразу Джорджу: «Дай ему веревку, он и повесится». Пат-

рик не понял, что это значит, но потом с ужасом решил, что они говорили о той самой веревке, которую Франсуа привязал к дереву. Ночью ему приснилось, что веревка превратилась в осьминожье щупальце и обвилась вокруг горла. Он хотел перерубить удавку, но не мог, потому что меч был игрушечный. Мама долго плакала, когда увидела, как он болтается на дереве.

Даже если не спишь, трудно понять, что имеют в виду взрослые, когда разговаривают. Однажды он вроде бы догадался, что на самом деле означают их слова: «нет» значит «нет», «возможно» значит «может быть», «да» значит «возможно», а «может быть» значит «нет», но система не срабатывала, и он решил, что, наверно, все они означают «может быть».

Завтра на террасы придут сборщики винограда, станут наполнять корзины гроздьями. В прошлом году Франсуа катал Патрика на тракторе. У Франсуа были сильные руки, твердые, как дерево. Франсуа был женат на Иветте. У Иветты есть золотой зуб, который виден, когда она улыбается. Когда-нибудь Патрик вставит себе золотые зубы — все, а не просто два или три. Иногда он сидел на кухне с Иветтой, а она давала ему попробовать все, что готовила. Протягивала ему ложку с помидорами, мясом или супом и спрашивала: «Ça te plaît?»¹ Он кивал и видел ее золотой зуб. В прошлом году Франсуа посадил его в уголок прицепа, рядом с двумя большими бочками винограда. Если на дороге были ухабы или она шла в гору, Франсуа оборачивался и спрашивал: «Ça va?»² — а Патрик отвечал: «Oui, merci»³, перекрикивая шум мотора, визг прицепа и скрежет тормозов. Когда они приехали туда, где делают вино, Патрик очень обрадовался. Там было темно и про-

¹ «Нравится?» (фр.)

² «Как дела?» (фр.)

³ «Да, спасибо» (фр.).

хладно, пол поливали водой из шланга, и резко пахло соком, который превращался в вино. Комната была огромная, и Франсуа помог ему подняться по лесенке на высокий помост над давиленьей и всеми чанами. Помост был из металла с дырочками. Было очень странно стоять высоко наверху с дырочками под ногами.

Дойдя по помосту до давиленьи, Патрик заглянул в нее и увидел два стальных валька, которые вертелись бок о бок, только в разные стороны. Вальки, заляпанные виноградным соком, громко крутились и терлись друг о друга. Нижний поручень помоста доходил Патрику до подбородка, и казалось, что давиленья очень близко. Патрик смотрел в нее и представлял, что его глаза, будто виноградины, сделаны из прозрачного желе и что они вывалятся у него из головы, а вальки их раздавят.

Приближаясь к дому, как обычно, по правому, счастливому пролету двойной лестницы, Патрик свернул в сад, посмотреть, на месте ли лягушка, которая жила на инжирном дереве. Встреча с древесной лягушкой тоже была счастливой приметой. Ярко-зеленая лягушачья кожа выглядела глянцево-гладкой на фоне гладкой серой коры, а саму лягушку было очень трудно заметить среди ярко-зеленой, лягушачьего цвета листвы. Патрик видел древесную лягушку всего два раза. Первый раз он целую вечность стоял, не шевелясь, и разглядывал ее четкие очертания, глаза навывкате, круглые, как бусины маминогo желтого ожерелья, и присоски на передних лапках, которые прочно удерживали ее на стволе, и, конечно же, на раздувающие бока живогo тела, точеногo и хрупкогo, как драгоценное украшение, но жадно вдыхающегo воздух. Во второй раз Патрик протянул руку и кончиком указательного пальца осторожно коснулся лягушечьей головы. Лягушка не шелохнулась, и он решил, что она ему доверяет.

Сегодня лягушки не было. Патрик устало одолел последний лестничный пролет, упираясь ладонями в коле-

ни, обогнул дом, подошел ко входу на кухню и толкнул скрипучую дверь. Он надеялся, что Иветта на кухне, но ее не было. Он дернул дверцу холодильника, которая отозвалась перезвоном бутылок белого вина и шампанского, потом пошел в кладовую, где в уголке на нижней полке стояли две теплые бутылки шоколадного молока. Не без труда он открыл одну и отпил успокоительный напиток прямо из горлышка, хотя Иветта не разрешала так делать. Как только он напился, то сразу погрузился и уселся на шкафчик, болтая ногами и разглядывая свои сандалии.

Где-то в доме, за закрытыми дверями, играли на фортепиано, но Патрик не обращал внимания на музыку, пока не узнал мелодию, которую сочинил отец специально для него. Он соскочил на пол и побежал по коридору из кухни в вестибюль, а потом, гарцуя, прискакал в гостиную и начал танцевать под отцовскую музыку. Мелодия была бравурная, вихляющая, на манер военного марша, с резкими всплесками высоких нот. Патрик прыгал и скакал между столами, стульями и вокруг фортепиано и остановился, лишь когда отец закончил играть.

— Как дела, мистер мастер маэстро? — спросил отец, пристально глядя на него.

— Спасибо, хорошо, — ответил Патрик, лихорадочно соображая, нет ли в вопросе подвоха.

Ему хотелось перевести дух, но при отце надо было собраться и сосредоточиться. Однажды Патрик спросил, что самое важное на свете, а отец ответил: «Замечай все». Патрик часто забывал об этом наставлении, хотя в присутствии отца внимательно все разглядывал, не совсем понимая, что именно надо заметить. Он следил, как движутся отцовские глаза за темными стеклами очков, как перескакивают с предмета на предмет, с человека на человека, как на миг задерживаются на каждом, как мимолетный взгляд, клейкий, будто стремительный язык геккона, украдкой слизывает отовсюду что-то очень ценное. В присутствии

отца Патрик смотрел на все серьезно, надеясь, что эту серьезность оценит тот, кто следит за его взглядом так же, как он сам следит за отцовским взглядом.

— Подойди ко мне, — сказал отец.

Патрик шагнул к нему.

— Поднять тебя за уши?

— Нет! — выкрикнул Патрик.

У них была такая игра. Отец вытягивал руки и щипал Патрика за уши большим и указательным пальцем. Патрик обхватывал ладошками отцовские запястья, а отец притворялся, что поднимает его за уши, но на самом деле Патрик держался на руках. Отец встал и вздернул Патрика на уровень своих глаз.

— Разожми руки, — велел он.

— Нет! — выкрикнул Патрик.

— Разожми руки, и я тебя сразу же отпущу, — повелительно сказал отец.

Патрик разжал пальцы, но отец все еще держал его за уши. На миг Патрик повис на ушах, быстро перехватил отцовские запястья и ойкнул.

— Ты же обещал, что отпустишь. Пожалуйста, отпусти уши.

Отец все еще держал его на весу.

— Сегодня я преподавал тебе важный урок, — заявил он. — Думай самостоятельно. Не позволяй другим принимать решения за тебя.

— Отпусти меня, пожалуйста, — сказал Патрик, чуть не плача. — Пожалуйста.

Он с трудом сдерживался. Руки ныли от усталости, но расслабиться он не мог, потому что боялся, что уши оторвутся с головы одним рывком, как золотистая фольга с баночки сливок.

— Ты же обещал! — завопил он.

Отец опустил его на пол.

СОДЕРЖАНИЕ

НИЧЕГО СТРАШНОГО. <i>Перевод А. Питчер</i>	5
ПЛОХАЯ НОВОСТЬ <i>Перевод Е. Доброхотовой-Майковой</i>	145
РОБКАЯ НАДЕЖДА. <i>Перевод А. Ахмеровой</i>	315
Примечания <i>А. Питчер, Е. Доброхотова-Майкова, А. Ахмерова</i>	458

Сент-Обин Э.

- С 31 Патрик Мелроуз. Книга 1 : романы / Эдвард Сент-Обин ; пер. с англ. А. Ахмеровой, Е. Доброхотовой-Майковой, А. Питчер. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 480 с. — (The Big Book). ISBN 978-5-389-17047-6

«Цикл романов о Патрике Мелроузе явился для меня самым потрясающим читательским опытом последнего десятилетия», — писал Майкл Шейбон. Ему вторили такие маститые литераторы, как Дэвид Николс («Романы Эдварда Сент-Обина о Патрике Мелроузе — полный восторг от начала до конца. Читать всем, немедленно!»), Алан Холлингхерст («Эдвард Сент-Обин — вероятно, самый блестящий британский автор своего поколения»), Элис Сиболд («Эдвард Сент-Обин — один из наших величайших стилистов, а его романы о Патрике Мелроузе — шедевр литературы XXI века») и многие другие. Главный герой, жизнь которого в немалой степени основывается на биографии самого автора, пытается изжить последствия детской травмы; действие, начинаясь на аристократической вилле в Провансе, затем переносится в Нью-Йорк и в Глостершир...

Одним из главных телевизионных событий 2018 года стал выход основанного на этом цикле романов сериала «Патрик Мелроуз», номинированного на премию «Эмми». Сценарий написал Дэвид Николс, главные роли исполнили Бенедикт Камбербэтч, Дженнифер Джейсон Ли, Хьюго Уивинг, Холли Грейнджер. В 2019 году заявили, что сериал получит продолжение.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЭДВАРД СЕНТ-ОБИН

ПАТРИК МЕЛРОУЗ

Книга 1

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Маргарита Ахметова, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.08.2019. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 21,15.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-NBB-25535-01-R